

Обратный билет

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

М.Максимов

Максим Максимов
Обратный билет

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Максимов М.

Обратный билет / М. Максимов — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Воюющий Кавказ. 2006 г. Главный герой втянут в опасные интриги высшего командования, межведомственную борьбу и смертельно опасную работу разведчика-спецназовца по выявлению, отслеживанию и уничтожению полевых командиров местного джамаата. Здесь присутствует всё: сложные межличностные отношения, законы боевого братства, смертельный риск, боль утрат боевых товарищей и над всем этим непрекращаемая, безучастная и неповторимая красота тысячелетних гор. В финале повести возникает вопрос: кто победил в этой войне? К чему пришли герои этой повести? Что случилось потом? Ответ на этот вопрос читатель найдёт для себя сам. Содержит нецензурную брань.

Максим Максимов

Обратный билет

ДОМИК НА БЕРЕГУ МОРЯ

Описанные действия основаны на реальных событиях, происходивших в период второй чеченской кампании. Однако все имена, фамилии, клички, радиопозывные, названия населенных пунктов и т.п. – изменены. Все совпадения с ныне действующими персонажами и реальной действительностью являются случайными.

*Сокращения и непонятные слова (выражения) обозначены значком *, необходимые пояснения приведены в Приложении.*

Зачем я каждый год упорно приезжаю сюда, к морю? Что меня постоянно сюда влечет и манит? Чопорная и весьма условная роскошь домашнего гостиничного бизнеса или консервативно-участливая гостеприимность добродушных приморских частников к странствующим туристам-сорвиголовам, вроде меня? А может быть, потрясающая красота местной природы? Что может быть краше восходов и закатов в прибрежных скалах и на песчаных пляжах? Тишина, легкий теплый туман, словно разлитое молоко, подступающий к едва колышущейся подобно бутылочному стеклу морской глади. И лишь чуть заметный приповерхностный слой остается чистой полоской, той невидимой границей, которую не может преодолеть туман, чтобы слиться с водной стихией. И перевозданная тишина, словно вата в ушах... Так бывает, когда резко смолкает артиллерийская канонада...

...Всю ночь я гнал свою машину от гопповского таможенного терминала* на юг, по Киевской трассе, обгоняя украшенные голубоватой ксеноновой подсветкой, словно Рождественские елки, фуры-дальнобои, и редкие попутные местные «шаланды», под завязку груженные дынями, арбузами и прочим сезонным базарным скарбом, с размалеванными полуголыми девками на обтянутых потрепанном брезентом бортах. Перед самым рассветом, где-то возле Перекопа, я преодолел Крымский КПП*, затем, через некоторое время, свернул с Симферопольского шоссе на запад, на пустынную в этот ранний час проселочную дорогу, на Межводное. Восход солнца я встретил близ Евпатории, стоя на крутом обрыве и глядя на идеально ровный горизонт, где бледно-бирюзовое небо соприкасалось с синим морем. Волны морского прибоя лениво облизывали острые валуны прибрежного ракушечника, пена струилась меж белеющей гальки и выброшенных почерневших водорослей. Вдоль пустынного пляжа медленно брел, удаляясь, мальчик-рыбак, из местных, в обрезанных выше колен синих спортивных штанах, красной вылинявшей футболке с оторванными рукавами и темной бейсболке с затертым до дыр мятым козырьком. Сбоку на веревке у него болтался самодельный матерчатый садок-авоська. Чуть дальше, вдоль обрыва, выстроились десятка полтора машин с туристическими палатками подле них, образуя своеобразный походный автокемпинг «дикарей». Эти современные спартанцы на колесах без сожаления урвали у шумных загазованных мегаполисов с десятком забываемых солнечных дней, дабы провести их в относительном уединении и пьянящей первобытной свободе, упоенно слившись с умиротворяющей гармонией моря, до поры, до времени наивно забыв о духоте шумных суетливых офисов.

Я внимательно смотрел вдаль, словно там должно было произойти что-то очень важное, именно сейчас, в эти минуты разгоравшегося нового дня – будь то явление нового солнца или рождение Афродиты из морской пены неутомимого прибоя. Что меня сюда манит? Я не мог это объяснить, кому бы то ни было или даже самому себе. Хотя, наверное, я лукавлю. Я наверняка знал причину, которая изменила весь мой жизненный уклад, прежде расплывчатый и размытый, подобно расписанию пассажирских поездов на железнодорожном вокзале. Это, как

меч, острым клинком своим делящий жизнь на то, что было «до» и то, что стало «после». Это, как временной континуум, портал параллельных миров, сходящиеся в одной точке; это, как вспышка «сверхновой», как невиданное цунами, мощным разрушительным вихрем пронесшееся по судьбам и душам людей, которые уже никогда не будут жить, как прежде. Уже не будут так смеяться, не будут так беззаботно засыпать и тратить себя на всякие малозначимые мелочи. И глядя навстречу восходящему солнцу, совсем неземные и насущные мысли будут посещать их головы и будоражить их умы. И никогда они не услышат тишину и не испытают покой. Может, потому, что они живут благодаря тем, кто умер за них? Ведь, Жизнь и Смерть – это, как день и ночь, что неотделимо одно от другого, как тепло от костра или холод от Вечности Вселенной. Каждый путь имеет свое логическое завершение. А каждый конец есть начало чего-то. Может, это и есть разгадка Вечности Бытия? Как это море, это солнце и эти звезды?...

Почему я приезжаю сюда?

* * *

В дождевых лужах, словно в зеркальной комнате, ослепительно ярко отражалось повесеннему теплое напористое солнце. Это отражение резало глаза, отбрасывало солнечные зайчики, заигрывая со стаями пикирующих с голых деревьев воробьев. Однако окна кабинета моего начальника выходили не на солнечную сторону, поэтому здесь царил полумрак и веяло неприятной сыростью, отчего мне становилось не совсем уютно. Я уже начинал немного нервничать, непривычно ерзая на жестком казенном стуле.

– Скажи мне, ну что может случиться с офицером штаба группировки, а? – шеф имел вид ребенка, убеждающего несговорчивую мамашу купить ему еще килограмм шоколадных конфет. Но, боюсь, этот «килограмм» теперь мне «боком встанет».

– В том-то и дело! Что я там буду делать? С бумажками воевать? Компьютером командовать?

– И это тоже в нашей работе не последнее дело, учиться тоже когда-то надо. Систематизация, учет, анализ разведывательных данных – надо же тебе хоть как-то расти, не все же болваном ходить.

– Ну, спасибо!

– А что? На «Выстрел» не поехал? Не поехал, – загнул мизинец шеф, – В Смоленск, ладно, на учения групп спецназа Борисова отправил, молодой – ему нужнее, – шеф прижал средний палец, – На сборы в Реутово не поехал? – загнул и безымянный палец, – Не поехал. Так что же ты хочешь?

– Я всю жизнь по горам бегал, людьми командовал. Я воевал. Посмотрите на меня, ну какой я штабист?

– А кто здесь штабист? – шеф даже оглянулся.

– Не смогу я.

– Вот заладил! Короче так. Будешь кобениться – отправлю в Москву, на учебу. Еще не поздно, группу покамест не набрали. А коли едешь в Чечню, я, так и быть – пробью «фишку» на счет тебя, Рембо долбаный. Там, если я не ошибаюсь, направлонец по спецназу нужен был. И если все получится, не стони – сам этого хотел. Все, базар окончен!

Долго ли солдату собираться? Что нищему подпоясаться. И вот я уже стою перед монументальными дверями штаба округа, совершив скучное двухчасовое путешествие на междугородном «Икарусе», чтобы добраться до этих пенат. Миновав, к слову, неказистое на вид здание, а проще – «хибарку» КПП, забросив свой дорожный полупустой баул на плече, неспешно поплелся к своему начальнику, уже должно быть, ожидавшего меня в своем кабинете.

Наш «главшэф» – фигура незаурядная. Я бы сказал – выдающаяся. Много ему подобных автобиографических историй, наверное, приходилось слышать. И, как не банально звучит, у

обывателя такие истории уже набили оскомину: начинал свою военную эпопею еще в Карабахе, затем Фергана, Сумгаит. В первую чеченскую кампанию получил ранение, контузию и орден. А что делает ему поистине великую честь, как старшему офицеру и нашему старшему начальнику, так это чувство самообладания и такта, что даже при самых неприятных «разносах» никоим образом не задевали чести офицера и личного достоинства. Пройдя даже через маломальскую мясорубку чеченского чистилища, мало кто из старших офицеров и начальников мог похвастать такой особенностью характера в психологии общения с подчиненными. Уже только за это ему можно было памятник ставить. Звали мы его уважительно – Багратион. Это еще была и дань за кавказское происхождение нашего шефа. Я даже не помню, кто дал ему эту кличку. Характер у него был крутой и вспыльчивый, как и полагается кавказцу. Он был невысокого роста, худощавый, жилистый и очень подвижный.

Не весело на этот раз он встретил меня. Даже не взглянул в мою сторону. Только забрал мои документы, «командировку» и отдал незнакомому капитану, сидевшему за компьютером. Я понял, это стандартная процедура – в компьютер «забивались» данные на так называемый «похоронный случай». Такое уже не раз случалось – погибает или умирает от ран в госпитале офицер, а потом начинается неразбериха: «Кто?», «Чей?», «Откуда, мил человек?». От нечего делать, стал осматривать кабинет и его обитателей. Три компьютера, находившихся здесь, судя по первому впечатлению, числились, вероятно, за коллекцией царя Гороха. На одном работал вышеупомянутый капитан, мастерски будоража (другого выражения не подберу) короткими ухоженными пальчиками «залапанную» до черноты клавиатуру. Второй «выжимал» из древнего допотопного ленточного принтера какой-то длинный и, наверное, скучный текст, а принтер, истошно и послушно визжа, накладывал на «А-4» строчку за строчкой. Однако все равно его скоро выкинут на свалку. Казалось, принтер знал об этом и поэтому усердно старался продлить хоть не на долго свою рабочую жизнь. Ну а третья «машина» вовсе была «мертвой» – системный блок был разобран, клавиатура заброшена за пыльный монитор, а сам монитор как-то сиротливо и беспомощно жался в угол, подслеповато уставясь на меня пустым экраном. «Когда-нибудь так и с нами поступят, – грустно подумал я – мы живем, лишь пока кому-нибудь нужны, а потом придет время, и мы окажемся на свалке. Если, конечно, раньше не «сгорим».

Из своей комнаты выскочил Багратион, споткнулся об меня.

– Чего тут встал? Иди, падай, вон там, на стульчак! – засипел он своим простуженным голосом, – Чаю себе наведи, сахар возьми в столике. Чего, как не родной?

Он выхватил напечатанный ленточным «работягой» лист, убежал куда-то, затем прибежал, потом долго ругался с кем-то по телефону – так ругался, что капитан несколько раз отрывался от своего компьютера.

Я не спеша, прикончил свою чашку «Нури» с нелепой надписью на боку «Мама, не кричи на папу!» и стал терпеливо ждать своей очереди. Казалось, про меня забыли. Хотелось курить. Вдруг вышел Багратион.

– Пошли, – бросил он в мою сторону – Мешок свой тоже бери.

Мы, немного пропетляв «высокими» коридорами, вышли на задний двор. Здесь было тихо. Сели рядышком в пустой курилке. Закурили.

– Долго по ушам ездить не буду, – заговорил начальник – Обстановка в Чечне сложная. В какую задницу попадешь ты – я не знаю. Со своими людьми я разговаривал. У них были потери, кадры им нужны. Но чужого они брать не хотят. Поэтому, возможно, тебя сразу определяют «не туда», и заниматься ты будешь «не тем». Ничего – поработаешь, пообвыкнешься.

Багратион заметил у меня горькую усмешку.

– Что?

– Ничего.

– А чего ж тогда морду кривишь?

– Да знаю я эту кухню – в армии нет ничего более постоянно, чем временно.

– Много ты знаешь, как я погляжу. Дальше: за тобой будут наблюдать, возможно, проверят. Поэтому не вздумай там права качать или Рембо из себя корчить. Одним словом, не расхляживайся, понял? Дело такое. Ну и потом, если ты их устроишь – тебя, скажем, заберут – ты не высывайся, присматривайся, слушай, что тебе люди говорят. Там псы натасканные, не один год по «бойкам» работают. Герои посмертно там никому не нужны.

Мы немного помолчали. Я спросил:

– Они обо мне знают?

– Да.

Шеф бросил окурок в кривоногую металлическую тумбу, исполнявшую роль мусорки.

– Еще вопросы есть?

Я пожал плечами.

– Да нет, вроде.

– Смотри там в оба. Не подставляйся. Помни: на тебя могут повесить любое грязное дело. А, если повесят – ввек не отмоешься. Не подписывай никаких бумаг, не отвечай ни на какие вопросы. У тебя будет свой шеф, это его головная боль. У тебя будет только твоя работа. Никому не доверяй, в обиду себя не давай. Но и не вздумай там гладиаторские бои устраивать! Ясно?

– Так точно.

– «Так то-очно...» – по привычке передразнил Багратион – Знаю я вас.

Он в упор пристально посмотрел на меня, крепко пожал руку.

– Ну что, как говорится – с Богом! У тебя два часа до поезда. Билет здесь.

Он вручил мне мои документы.

– А какая маршрутка идет до вокзала? – поинтересовался я.

– Не надо тебе маршрутка. Мой помощник тебя увезет.

– Тот капитан в вашем кабинете?

– Да. Его зовут Андрей. И вот что, чуть не забыл. С тобой будут работать еще двое моих людей, ты их, наверное, не знаешь. Они там уже месяц работают. Встретитесь, выяснишь обстановку, прикинешь, что к чему, ну, в общем, не мне тебя учить.

– А как я их узнаю?

– Никак. Они тебя узнают. У меня будет маленькая просьба. Один из них, его зовут Иван, он – «перворазник». Молодой, понимаешь? Присмотри там за ним, если сможешь. Доберешься до места – отзвонись.

– О чем разговор, Эдуард Тигранович. Сделаем.

– Спортивный костюм есть?

– Обижаете...

– Переоденься. Ни к чему звездами светить – один поедешь.

Мы обнялись на прощание, и Багратион ушел к себе. Я остался один.

Вот так новости! Мало того, что со мной еще кто-то будет работать, и это в том пиковом случае, если я попаду в эту «гоп-компанию», так еще и присматривать там за каким-то младенцем надо. Это далеко не новая история с «перворазниками» в конце кампании. Ветеранские «корочки» никому бы не помешали. Я даже слышал, что в высоких штабах существует некая очередность в чеченскую командировку. В результате вполне мирный офицер тыловых служб, посетив штаб группировки на месяц-два, обретал те самые заветные «корочки» и становился полноправным участником боевых действий, и даже уезжал домой с какой-нибудь «железкой» на груди. Но офицер разведки – это далеко не начальник кочегарки и горный рейд это не сан-инспекция в банно-прачечный комбинат. Какого черта Багратиону понадобилось отсылать это «молодое мясо» в «выездное» подразделение?

Вышел тот самый Андрей. Он был слегка пухленький, невысокого роста, с наметившейся залысиной на высоком лбу. И, как оказалось, с юморком.

– Ну что, на войну? – весело спросил он.

– На войну. Только орать на всю округу не надо, – не очень-то дружелюбно буркнул я.

– Айда, машина с той стороны, – помахивая ключами, кивнул он куда-то не определенно головой.

«На войну... – недовольно ворчал я про себя, попевая за Андреем – Ты хоть знаешь, с чем «это едят»? «На войну...»... Ты бы со своим животиком через двадцать минут помер бы в горах на марше! И тащили бы тебя на себе мои пацаны...».

У меня было прескверное настроение. Всегда, когда уезжаешь «туда», настроение из рук вон. И Андрей еще этот со своими шуточками. Разговаривать не хотелось. Я сидел в его ухаженной «десятке» на переднем сидении и смотрел в окно. Надо было сесть на заднее. Андрей то и дело пытался развеселить меня, рассказывал какие-то истории, анекдоты. Наверное, в его понимании, я «уходил за линию фронта» – не меньше. А жизнь большого мегаполиса в двух шагах за окном была фонтаном, весна «жарила» всюю. Девчонки «поразdevались», скинули с себя зимние «шкур», обнажили заманчивые телеса. По тротуарам, вдоль чисто вымытых витрин супермаркетов, салонов и кафе плыли их легкие фигурки. И они, ловя на себе восхищенные мужские взгляды, только тешили свое самолюбие, покачивали бедрами и плыли дальше, усмехаясь весеннему солнцу и самим себе. Черт! И в такое время я еду в эту говенную командировку!

Может от какого-то предчувствия, а может и просто оттого, что одному предстояло добираться, как-то тяжело было на душе. Совсем я не хотел ехать туда в этот раз. Дело новое – штаб группировки. Люди чужие, меня никто не знает, я никого не знаю, да и судьба как-то не определена... Чем придется заниматься? Опыт такого уровня у меня отсутствовал, если «волкодавы» от меня откажутся, я совсем пропаду на штабной работе. Хоть в петлю лезь!

* * *

Эта «страна Чечения» встретила меня 40-градусной жарой, немилосердно палящим в зените солнцем и безоблачным раскаленным до бела небом. Воздух застыл, ни ветерка, ни пролады. От полуденной духоты нигде не было спасения. Офицеры, ехавшие со мной в бронепоезде, едва прибыли на станцию Ханкала, кинулись на маленький местный рынок, за минералкой. Но я по опыту знал, едва стоит хоть немного пригубить спасительной водички – на такой жаре тут же пойдет цепная реакция: в течение пары минут вода сразу же выйдет с потом и «сушить» начнет пуще прежнего, жажда будет мучить вдесятеро.

Да, места очень знакомые, прямо скажем – до тошноты. К югу от группировки в полуденной дымке ясно просматривались два гребня, между которых вилась автодорога в направлении Аргунского ущелья. Я знал, что там, далее, за первой же деревней начинаются сплошь зловещие места. В нашу прошлую бытность там каждый день колонны попадали под обстрелы и в засады. Каждый день там происходили подрывы на фугасах и боестолкновения. Сейчас, наверное, там все не так, как было при нас. Я слышал о «больших достижениях» в деле налаживания мирного процесса в республике.

Многое, конечно, изменилось с моего последнего посещения группировки. Неизменным остался небольшой рыночек у ж.д. полотна в самой Ханкале, возле неприглядной станционки с кривой проржавевшей водонапорной башней, полуразвалившаяся-полувосстановленная станционная сторожка да тонны пыли над укатанными грунтовыми дорогами, вздымаемой проносющимися машинами и бронетехникой. Но лучше уж вездесущая пыль да жара, чем сырость и болото по пояс в дождливое межсезонье. Это я тоже хорошо помнил. Стоявшие невдалеке бравого вида вооруженные военные, из состава патруля от местной военной комендатуры, хмуро уставились в мою сторону. Среди них стоял полноватый прапорщик, старший патруля, он в упор рассматривал меня. Его округлое лицо лоснилось от пота, левую щеку пересекал едва

заметный неровный шрам, на голове сидела небрежно смятая выцветшая кепи, похожая на блин. Я прекрасно понимал этих чернорабочих тыловых батальев – спрашивать документы и «рамсить» с шумной ватагой офицеров, только что сошедших с бронепоезда и оккупировавших местный рынок, дело весьма неблагодарное и скучное, я бы даже сказал – опасное. А вот «поддеть» одиночного вояку, вроде меня – это другое дело. Пропуска никакого у меня нету. Пока «разберутся» что к чему – времени уйдет Бог знает сколько. Но на «бакшиш» взять у меня почти нечего. Они некоторое время попялились на мой тощий «карабан» и неторопливо поплелись вдоль железнодорожного пути, лениво перекидываясь друг с другом ничего не значащими фразами.

По соседнему пути с каким-то железным скрипом протащи́лась старая, «довоенная» дрезина с рабочими на борту, победно взиравшими на меня сверху вниз, и покати́ла дальше, в сторону Аргуна. На дороге, метрах в тридцати от железнодорожного полотна, стояли два «Урала» и несколько «УАЗиков». Я проводил глазами дрезину, к которой вполне бы подошел заезженный пацифистский лозунг «лишь бы не было войны» и поплелся со своим баулом к стоянке машин, переступая через рельсы и какие-то валуны на междупутье. Отыскав тропинку, стал спускаться вниз. Приехавший люд быстро, по двое, по трое, «рассасывались» по «УАЗикам» – это были разного рода начальники и «функционеры» тыловых служб, преимущественно снабженцы. Проситься к ним в попутчики у меня почему-то гордость не позволяла. Один их вид говорил: «В поле – каждый суслик агроном!». «УАЗики» быстро разъезжались. Я выбрал один из «Уралов», с белым ромбом, выведенным под трафарет на лобовом стекле – эмблема внутренних войск, подошел к полноватому прапорщику, укывшемуся в тень машины и спороуплетающему какой-то непонятный «сверток», похожий на шаурму. Вид этого кулинарного «хачипури» вызвал у меня подзабытое чувство голода, ведь позавтракал я сегодня только чашкой кофе в прокуренном ТПУ. На мой вопрос взять меня попутчиком до группировки, прапорщик перестал жевать, глянул на меня, на мои погоны, затем, возобновив жвачные движения челюстью, качнул головой:

– Не могу, товарищ майор, не положено. Вон, ВАИ стоит. Да и не до группировки мы.

Я опешил. Вот так вот! Ну, спасибо, братья-вэвэшники! Потом я понял, почему «прапор» на погоны мои глянул – взять-то с офицера нечего! Ладно. На худой конец пешком дойду, благо знаю куда двигаться. Я направился к другому «Уралу», стоявшему в полста метрах от меня. На его «лбу» красовался белый кружочек с циферками – армейская эмблема. Не лень же кому-то было в свое время придумывать знаки взаимного опознавания. Правда, потом всех заставили и штатные эмблемы принадлежности войск наклеить на борта! Там копошились два молодых контрактника, весело подтрунивая друг над другом – пытались закинуть какой-то огромный тук в крытый кузов. Полог тента опрокинулся обратно и не давал им закинуть свою ношу. Ставить тук обратно парни не хотели и пытались как-то откинуть край полога. Может, это и было смешно, но хохотали пацаны неподдельно, обзывая друг друга на неказистом задиристом армейским жаргоне. Я подошел, откинул край полога, парни с криком «ура» забросили в кузов свой «чертов» тук и уставились на меня.

– Спасибо, тащмайор, – весело поблагодарили они.

– Не в сторону группировки? – пожимая им руки, поинтересовался я.

– Не-а, – качнул головой один из них – Мы из горной*? Если хотите – айда с нами. Мы сейчас этот тук к «42-ой» добросим и на аэродром поедем, по пути и закинем вас к дому.

– Лады! – обрадовался я.

– Только крепче там, в кузове держитесь – болтать здорово будет.

Болтало действительно «не по-детски». Парни, видно, опаздывали, поэтому гнали, как только позволяла разбитая изъезженная дорога. И, похоже, никакое ВАИ им было не указ – их экипаж «Урал» обдал такой тучей пыли, что бравые инспектора попрятались в свой «УАЗ», дабы пересидеть импровизированную «пыльную бурю». Я же стоял в полуприсеве в кузове,

держась за ходившие ходуном дуги – сидеть было невозможно – и время от времени ловил свою сумку, норовившую «погулять» по кузову. Тут же гремели какие-то железяки, запчасти, под седушкой катался карданный вал, гроыхала металлическая труба – жесткая сцепка, выкрашенная в желто-красный полосатый колер. Возле кабины стояли две намертво притороченные металлические бочки-двухсотлитровки. Казалось, они тоже стонали от этой нешуточной «гонки по вертикали».

Машина остановилась. Я вылез из кузова. Парни махнули мне на прощанье и умчались к аэродрому, оставляя пышный пыльный шлейф за собой. До штаба группировки мне оставалось несколько сот метров. Я забросил на плече свою сумку и побрел в сторону «отстойника», чтобы, обогнув тылы подразделений при расположении на месте, выйти к цели.

...

– Вы что, пешком до Чечни добирались?

Мой будущий, а впрочем, уже состоявшийся старший начальник – стриженный «под машинку» полковник с загорелым скуластым лицом и потрескавшимися от ветра губами – смотрел на меня, точно на бомжа, неизвестно откуда здесь взявшемся. Я, как ни драил накануне берцы, как ни отряхивал китель и кепи – вездесущая пыль проникла даже в уши, а берцы тут же, как назло, приобретали какой-то мышиный цвет, потеряв всякий блеск. Полагаю, в поры на лице тоже въелась дорожная пыль, что и мочалкой сразу не отдерешь. Так что видок у меня был еще тот. Даже как-то странно было вспоминать, что какой-то час с небольшим назад из-за моего чистенького и заливчатского вида патруль из местной комендатуры с явным презрением пялился на меня на ханкальской ж.д. станции. Что интересно, даже сержант-делопроизводитель – женщина, сидевшая за отдельным столиком подле своего начальника – от удивления изумленно округлила глаза. Короче, моему конфузу не было предела.

– Моя фамилия Верещагин и дисциплина у меня жестокая, как у Пиночета, – заявил полковник, сам того не подозревая, что отныне дал себе прозвище, в последствии плотно к нему приклеившееся – Поэтому запоминай, повторять не стану: употребление в служебной командировке спиртных напитков – любых, даже пиво – смерть; отлынивание от работы, а равно неявка вовремя и в срок – смерть; запомни, где бы ты ни был: на обеде или на «очке», ты должен явиться ко мне после получения приказа через три-пять минут, не явка ... – Верещагин, повернувшись, вопросительно глянул на меня.

– Смерть, – вздохнул я.

– Так точно! Соображаешь. По этому пункту есть вопросы?

– Расстреливать сами будете?

– Нет, мой заместитель. Там, за баракком, на хоздворе.

Делопроизводитель снова округлила глаза, а начальник пристально посмотрел на меня.

– А ты остряк, как я погляжу. Ладно, поживем – увидим, что ты за птица. Теперь о деле. Сегодня сдашь все документы, станешь на все виды довольствия, короче оформишься, как положено. Найдешь коменданта, определишься с койко-местом в жилом модуле. Не забудь мне доложить, куда тебя определят, чтобы мог вызвать, если что. Дальше. С завтрашнего дня поступаешь в распоряжение полковника Саватеева. Отныне он тебе отец и мать. Его приказ для тебя – закон. С компьютером работать умеешь? Что рожу скривил, как среда на пятницу? Не нравится? А ты думал тут Бородино? Так, сейчас иди, приводи себя в порядок, умойся, почистись, – Верещагин глянул на часы – Жду через десять минут. Представлю тебя нашему генералу.

... Я сидел в «хибаре» у коменданта на высокой кушетке, вероятно, некогда бывшей медицинской и пил самодельный квас, болтая ногами. Комендантом оказался офицер из нашего округа, полковник, чью фамилию я тщетно пытался вспомнить. Зато он меня сразу узнал, усадил на эту кушетку, поставил рядом на стол пластиковую пятилитровку самодельного хлебного

квасу и стал хлопотать по поводу моего пропуска, койко-места и прочей светотени. Я бы не сказал, что у коменданта были убогие пенаты. Наоборот, мечта любого штабиста – начальство далеко, сам себе велосипед: отдельный «коттеджик», пусть и небольшой, компьютер, вполне сносный принтер, в углу стоит «стационарка» – снятая с КШМ* радиостанция Р-142; в противоположном углу приткнулся списанный, но вполне работоспособный «Рубин», одногодка Ивана Грозного. А, впрочем, какая разница? Здесь всегда тихо и уютно. Из надорванного динамика старого «Олимпика», еще советского производства, мерно и убаюкивающе лилась мелодия «Мой ласковый и нежный зверь» Доги. За соседним столиком сидел старший прапорщик в милицмейской форме с шевронами СМВЧ*. Его все, даже солдаты, звали «дядя Степа». Габаритов он действительно был «дядиных Степиных». Страшно заикаясь, он долго подбирал нужные слова, и немало времени уходило, прежде чем можно было скорее догадаться, чем понять, что хочет сказать этот здоровяк. Его лающий громогласный бас заполнял все небольшое пространство дежурки, и я даже непроизвольно вздрагивал.

Комендант без конца куда-то звонил, разговаривал, то ласково и нежно – наверное, с женщинами, то напористо и заковыристо – со всеми остальными. Явно, дамский угодник. В третий раз кому-то продиктовал мои данные, затем положил телефонную трубку, подмигнул мне:

– Вечером, после пяти, зайдешь, заберешь свой пропуск.

В дежурку вбежал невысокий худощавый старший лейтенант. Именно вбежал, а не вошел. Казалось, он весь был соткан из движущихся частей и механизмов. Он был быстр, отрывист и какой-то угловатый. Лицо узкое, длинное, нос тонкий, аккуратный. Если бы еще не коротко стриженный белесый ежик на голове с причудливой дугообразной челкой, а длинные прямые черные волосы – ну вылитый виолончелист из симфонического оркестра! Ему бы черный фрак, бабочку, а не эту выцветшую мешковатую «натовку» питерского пошива. Между тем, вбежавший «старлей» поздоровался, осмотрелся. Его бегающий взгляд остановился на мне.

– Савельев? Алексей? – живо осведомился он.

– Ну, допустим, – насторожился я.

– Я – Иван. Мы вас уже два дня ждем, товарищ майор!

– Чего ж машину в Ханкалу на станцию не прислали? – заворчал я, пожимая его руку.

– Дак, мы звонка ждали. Чего не звонили?

– Звонил! С ТПУ. Вчера вечером, как только в Моздок прибыл.

– Блин! – Иван глянул на коменданта, на прапорщика, на меня – Эту дежурную службу надо порвать, как Тузик грелку! Ну, ничего, они еще свое получают.

Вопрос о моем койко-месте решился молниеносно. У наших парней как раз одно место освободилось, позавчера выпроводили одного офицера «на дембель» – так в здешних краях называлось окончание служебной командировки. Понятное дело, что комендант был не против моего вселения на это место.

– Не забудьте, сегодня банный день! – на прощанье напомнил комендант – И за пропуском вечером кто-нибудь зайдите, а то завтра на работу не попадешь!

– Зайдем, зайдем! – пообещал Иван и потянул меня на выход.

Наш жилой модуль, под номером четыре, изначально строился, как рабочий. Тогда, пару лет назад, когда все компьютеры и прочая аппаратура стояли в палатках, было сыро и холодно, в первую очередь хотели решить проблему с работой – машины не выдерживали перепадов температур и скачков влажности. Люди, соскочив со своих коек, уже были на своих рабочих местах. Теснота была невероятная, жили и работали практически на головах друг у друга в буквальном смысле этого слова. Кто-то топил печь-буржуйку, кто-то пил утренний чай, кто-то «набивал» на компьютере боевое распоряжение, а двое-трое за его спиной уже ждали своей очереди поработать на этой же машине. Потом появились бараки нашего типа, для работы, а

затем и жилые модули – с умывальниками, унитазами и душевыми. Нам не повезло. В нашем модуле не было душа, был один общий туалет и общий же умывальник. И масса комнат, некогда бывших рабочими кабинетами. Но меня это никак не волновало. Прожившего всю жизнь «по углам» да в общежитиях, меня несколько не стесняли такие условия, тем более что на войне мы постоянно жили в палатках, в земле, а эти условия можно считать царскими.

Внутри барак был отделан гипсокартоновыми плитами, выкрашенными в странный желтоватый колер, имевший не менее странное название – «слоновая кость». Выражение «Желтый дом» имело некогда для всех вполне понятный смысл. Непонятно только, почему вся армия вдруг стала казармы красить в этот самый «колер»... Пол, устланный старым латанным зеленым линолеумом, жалко поскрипывал и прогибался под моей тяжестью. Наши шаги гулко отдавались по всему коридору, и я мог поклясться, что последний спящий, в самой дальней комнате, слышит наши шаги.

– Ключ до конца не запикивайте, миллиметра два оставляете, аккуратно поворачиваете против часовой, вот та-ак... – Иван хорошенько поддал коленом в дверь за номером «7» – Ключ один, поэтому мы его оставляем дневальному, на входе который стоит. Занимайте вон ту койку, возле окна.

Я бросил свою сумку возле указанной койки, повернулся к Ивану.

– Если ты меня всерьез будешь называть на «вы», то я тебя ударю.

– Понял. Ужин в семь, в баню еще успеваем.

Я устало бухнулся на свою койку. Ноги гудели, пыль скрипела на зубах. Иван покопался в шкафу, бросил мне комплект постельного белья:

– Вот вам босаяцкий подгон. Сегодня как раз банька, помоемся с дороги.

Я сверкнул снизу глазами.

– Виноват... Я имел в виду – баня сегодня, как по заказу. И бельишко свеженькое.

Я снял берцы, с наслаждением переобулся в тапочки. Достал из сумки летний комплект формы с коротким рукавом, повесил на стену на «плечики». Затем принялся застилать свою койку. Теперь ближайшее обозримое будущее я проведу здесь, в этой не запертой тюрьме под названием ОГВС*. Настроение было прескверное. А этот Иван наверняка и есть тот «перво-разник», за которым Багратион просил меня присмотреть.

– В Чечне в первый раз? – между делом спросил я.

– В первый. Жалко, конечно.

– Чего жалко?

– Да заканчивается все. Вот и жалко, что не поучаствовал нигде. Глупо, да?

Да, он, конечно, совсем еще младенец. Глупыш. Но что-то до боли знакомое угадывалось в нем. Я качнул головой:

– Знаешь, мне однажды, лет двадцать назад, один умный человек, ветеран Великой Отечественной войны, старый партизан, сказал как-то – войны на наш век еще хватит. Нахлебамся. Досыта... Я тогда глупый был, молодой. Как ты сейчас. В Афган все рвался. Письма все в военкомат писал, с просьбой «отправить меня в ДРА* для выполнения интернационального долга»...

– И что?

– А то. Запомни: на твой век еще хватит, навоюешься... Досыта! Попомни мое слово.

– А вы... Ты здесь не впервой, как я погляжу?

– Тебе лучше не знать.

– Понятно. А этот, ветеран Великой Отечественной, он кто? Уж не твой ли дед, случайно?

– Нет. Он был нашим классным руководителем.

– В школе?

– Да. Сейчас, наверное, уже совсем старый. Я дома восемь лет не был. А когда мы в школе учились, он даже пенсионером не был еще. Как и все, он попал в оккупацию, ушел в

лес, воевал с фрицами. Ему тогда пятнадцать лет исполнилось. Поэтому и был самым молодым среди ветеранов. И крепкий от природы, как гора. О войне много рассказывал.

- А-а... – понимающе покачал Иван головой.
- А ты это чего интересуешься? – вдруг спохватился я.
- Да есть в тебе что-то врожденное, я бы сказал – офицерское...
- Да? А ты что, внук Мессинга?
- Нет...

Я снова принялся копаться в своей сумке. Видя, что Иван по-прежнему ожидает продолжения разговора, нерешительно переминаясь с ноги на ногу возле шкафа, буркнул между делом:

– Из рабочих я. Мой отец вообще в армии не служил, по состоянию здоровья. А по поводу офицерства – так я и сам себе иногда удивляюсь.

Я, конечно, не сказал, что по своему отцу я происхожу из старого богатого рода, из зажиточных казаков. По матери дед мой был старшим офицером РККА. Моя мать помнит, что они жили в Крыму, у самого моря. За ее отцом всегда приезжала служебная машина, «эмка». Потом, однажды ночью, в доме были какие-то чужие люди, очень грубые. Отца своего она больше не видела. Шел тогда 1939 год. Но зачем это надо кому-то знать? Сейчас модно такие истории рассказывать. Спроси – каждый встречный поведаст подобную историю. Но где правда, где вымысел? А мать мне рассказывала об этом еще в 1979 году, когда на подобные темы даже на унитазах остерегались рассуждать.

Желая «сменить пластинку», я спросил:

- Сам-то где тут устроился?
- У Верещагина я, «на направлении».
- Ага, Пиночет этот – прирожденный партайгеноссе.
- Пиночет? Это кто?
- Да Верещагин ваш!
- Почему Пиночет?

– А он сам так представился, – я принял осанку и, подражая полковнику, с наслаждением процитировал: – «У меня жестокая дисциплина, как у Пиночета!». Он что, поклонник чилийской хунты?

– Похоже на то, – пожал плечами Иван – Вообще, Верещагин – мужик толковый, зря не наседает, «самодурством» не занимается. Когда надо – защитит, заступится. Когда надо – ускорение придаст. Мужики его уважают. Ему, главное, с этим не дай Бог попасться, – Иван характерным жестом щелкнул себя под кадык – Иначе...

– Ага, снимут с довольствия на хоздворе, – поспешил я сообщить – Эту кухню я уже знаю.

– Ну вот, а разведчики тут такое бывает, вытворяют, скоро сам все увидишь. Короче, не любят здесь нашего брата. Кроме сбитых летчиков.

Я поднял голову:

– Сбитых?

– Сбитых, сбитых... – засмеялся Иван, увидев мое удивление – Это мы так называем наземную службу аэродрома – обеспечение полетов, технари разные. Они живут тут рядом с нами, через комнату. Веселые, я тебе скажу, ребята.

Тут в комнату ввалился еще один обитатель – невысокий крепыш с ручищами терминатора и короткой борцовской шеей, берущей начало от маленьких ушей и плавно переходящей в широченные плечи. Я бы мог поспорить, что этот человек – мастер спорта по борьбе.

– Михаил, – протянул он ко мне свою руку-лопату.

Не хотелось бы попасть под такую кувалду, отметил я про себя, пожимая руку. Его округлое лоснящееся лицо украшал широкий сплюснутый внутрь, сломанный, нос. Однако карие глаза светились мягким добродушным огоньком деревенского кузнеца. И только коротко стри-

женный ежик добавлял какой-то неповторимый боевой шарм. Может, потому, что все здесь стригутся налысо?

- Как добрался? – поинтересовался Михаил.
- Да ноги по пояс стер, если бы не армейцы. Спасибо, до ИСБ* подбросили.
- А что же наши? Не было никого?
- Да были.
- Не взяли?!
- «Не положено»... – передразнил я того прапорщика, с «хачипури».
- Тыловики, поди? Ну, паразиты!

Я копался в сумке, «обживая» свою тумбочку туалетными принадлежностями, размышлял вслух:

– А что удивляться? Что с меня можно взять? Тут все так просто не делается. «Бакшиш» подавай!

– Ну что ж, с прибытием на родную чеченскую землю! – артистически задрал китель, загадочным голосом поздравил Михаил.

Из-за ремня торчали три пол-литровых банки «Бочкарева».

– Давайте это возьмем в баню! – предложил Иван.

– Правильно, – поддержал я и вытащил из сумки пластиковую «полторашку» с этикеткой «Бонаква» – А это – ударить роком по этой дыре. Вечером, естественно.

– А что это? – уставились на бутылку ребята.

– Чистый спирт.

– Спирт?

– Спирт, спирт. Извините, водку тут провезти трудно. Вот, «это» пришлось закамуфлировать под газировку.

Баня представляла собой небольшой сарайчик с узкой раздевалкой, помывочным отделением и парилкой. Там, в углу, стояла небольшая огороженная прогоревшая печка с камнями в крошечной клетушечке. Михаил сразу полез кочегарить печку, пообещав, что через пятнадцать минут мы и минуты не высидим в парилке. Мы, опрокинув на себя по тазику, полезли париться, прихватив с собой «местную» плошку горячей воды.

– А этот... дядя Степа, ну из комендатуры. Странный он какой-то, – завел я разговор.

– Контуженый, – брызгая из плошки на камни, пояснил Михаил – В 96-м, в августе, когда «духи» в Грозный вошли, бои, знаешь, сильные были. Их подорвали на фугасе. Всех своих пацанов потерял. Его доктора в госпитале по запчастям сшили-сложили. Теперь вот здесь служит. Что интересно, всю первую войну прошел – ни царапины. А тут на тебе... Кстати, как тебе начальство? С Дедом познакомился?

?!

– Дед – генерал наш, начальник разведывательной службы, – пояснили ребята.

– А-а... Да, вроде, мужик спокойный.

Парни опять захохотали:

– Кто? Дед? Ну, это ты его еще не знаешь. Подожди, еще попадешь под горячую руку.

А определили тебя куда?

– К Саватееву. За компьютер, блин! Дожил...

– А ты думал, тут Бородино?

– Где-то я уже это слышал.

– Ладно, не расстраивайся. Все мы тут за компьютером. Саватеев – мужик своеобразный, ГРУшник еще тот. Только запомни, этот человек ни дня взводом не командовал. Только бумаги да телеграммы. Как аналитику, ему, конечно, цены нет. А вот с людьми – посложнее.

– Час от часу не легче, – вздохнул я.

... Наутро мое состояние и процессы, происходившие в головном мозге, можно было назвать «характерными». Вчера у нас в гостях побывали, наверное, все обитатели нашего модуля: и артиллеристы, и спецназовцы, и автоматизаторы, и «сбитые летчики», конечно. Куда же без них? Даже дядя Степа посидел с нами немного. Он жил через две комнаты, левее нашей. А нашего спирту хватило, как говорят, «на затравку». Потом куда-то исчезли наши артиллеристы и появились уже с водкой. Потом летчики притащили свой «НЗ» – все тот же спирт. На столе уже оставался стандартный джентльменский набор – одна шоколадка и батарея пустых бутылок. Потом я уже плохо помню ...

И вот наступило хмурое утро. Своего рода, час расплаты, о котором русские говорят: «Веселó веселье – тяжело похмелье»... Чувствуя приближение убийственной дневной жары, я дал себе слово – бесконтрольное потребление в Чечне спиртного отныне прекратить. В умывальнике я столкнулся с дядей Степой, поздоровались. Дядя Степа как-то странно оглядел меня, осторожно спросил:

– А в-вы п-п... прож-живает... те в-в... здесь?

Я ошалело захлопал глазами, не зная, что и ответить. Соображал: это шутка или Степан действительно меня не узнал.

– Степаныч, брось комедию ломать, – раздался из-за моей спины голос Михаила – потвоему, какого черта он вчера проставлялся?

– А-а... – понимающе закивал головой Степан, похлопал меня по плечу и побрел к своей комнате.

– Не обращай внимания, он всем по утрам задает подобные вопросы, – махнул рукой Михаил.

– Он что, меня совсем не помнит?

– Я думаю, он вообще ничего не помнит. Для него все это время после ранения – «день сурка».

– Бред какой-то! А как же врачи? Как же служба? Как он вообще в армии находится?

– Бред, говоришь? А на гражданке ему, думаешь, лучше будет? С голодудохнет! Его первая же ВВК* в дурдом упечет. Наш командующий его еще с первой войны знает. Сказал: пока сам жив и при деле – дядю Степу в «дурку»* не отдаст. Да и потом, он совсем безобидный. Сидит себе у коменданта на КПП, за мониторами следит, пропуска выписывает.

– А родственники как же?

– Родственники? Да нет у него никого. К тому ж его погибшим объявили. Случается и такое. Жена получила компенсацию, больше ее никто и никогда не видел. Кому такой нужен?

... Полковник Саватеев, подойдя ко мне вплотную, пристально посмотрел на меня, наверное, понюхал мой «выхлоп» и с интонацией инспектора Лестрейда, изрек:

– Что-то не нравиться вы мне, голубчик. Глазки красненькие, запашек подозрительный... .

Ну да ладно, спишем все это на ваш приезд. Однако советую впредь поостеречься. Вы ходите по краю пропасти. Итак, вы прибыли под мое начало и я вправе спросить вас, какие ваши познания в ПЭВМ?

Я, конечно, слегка утрировал, когда речь заходила о работе на компьютере. В нынешнее время в армии постоянно сталкиваешься с необходимостью работы на «машине». А если нет штатного заместителя или подчиненного «хакера», коих в войсках сейчас пруд пруди, то волея-неволей сам начнешь потихоньку «рюхать» и «шарить» в простейших компьютерных вещах. Однако я, исходя из старой доброй истины «лежачего не бьют», заявил полковнику Саватееву, что мои познания в компьютерных технологиях находятся на уровне тетриса. Проще говоря, я «валенком прикинулся». С тоской вспоминая свое храброе боевое прошлое, я стоически выслушал о себе в частности и о внутренних войсках вообще все самое наилучшее и перспективное в изложении новоиспеченного шефа. Кстати, тут же сидел его заместитель – худощавый, довольно-таки еще молодой подполковник с воспаленными от бессонницы глазами на длинном

бледноватом лице. Черная, как смоль прядь жестких волос с редкой проседью упрямо спадала на лоб. Его все звали уважительно – Мирослав. Драма, которую озвучил шеф, не произвела на него ни малейшего впечатления. Он, оторвавшись от своего монитора, устало глянул в мою сторону и за меня же ответил Саватееву:

– Ничего страшного. Подучим.

Полковник Саватеев, слегка полнеющий, но довольно крепкий мужчина средних лет, имел округлое пухловатое лицо, пытливые серые глазки буравили меня, но это не были рентгеновские глаза матерого пса ГРУ, которые я ожидал увидеть. Коротко стриженный ежик уже слабо скрывал седину, просматривался наметившийся кабинетный животик, а движения рук были какие-то закругленные, расчетливые, как бы из боязни не сделать ни единого лишнего движения. На щеках виднелся какой-то странный алый румянец, словно с мороза. Тем более странно было видеть этот румянец, учитывая с каждым днем усиливающуюся жару – сегодня уже далеко за «сороковник» обещали.

Саватеев устало опустил в свое кресло, пожевал губами.

– Даю вам три дня, чтобы принять дела и должность. Вникайте, уясняйте, можете ночевать возле компьютера. Учтите, ваш сменщик честно отработал и заслужил скорейшее убытие домой. Теперь ваша очередь, – Саватеев недовольно глянул на меня – Что стоите? Можете приступать!

Я вышел из кабинета. Убивающая духота тут же схватила за горло, сдавила грудь. В кабинете у шефа, хоть и было не по себе, зато кондиционер нагнал холоду, как в холодильнике. Несмотря на просыпающуюся жару, я выпил чашку крепкого кофе и вышел покурить на улицу. Возле крыльца модуля разведывательной службы меня кто-то окликнул. Это был Мирослав.

– Пойдем, – поманил он меня за собой.

Мы зашли за модуль, миновали маскировочные сети. Здесь был небольшой уютный закуток, невидимый снаружи. Тут стояла небольшая урна, ящики из-под боеприпасов, установленные полукругом, служившие лавками, сбитый из тех же ящиков небольшой столик для домино (или игральных карт). На стене модуля, на вбитом в легкую жесть гвозде-восьмидесятке висел допотопный советский приемник, некогда шедевр ушедших в далекое прошлое ударных «пятилеток» и называвшийся тогда «транзистором». Проволочная антенна обеспечивала худо-бедно нормальный прием грозненского радио, где без конца передавали лезгинку и новости очередных сельскохозяйственных побед.

– Садись, закуривай, – предложил Мирослав – Разведка отдыхает здесь, чтоб ты знал. В общую курилку ходить не стоит.

– Почему?

– Морду набьют.

– За что?

– Узнают, что из разведотдела – подумают, что шпионить пришел.

– Хорошие тут развлечения.

– Развлечения «тут» обычно начинаются по вечерам.

Мы закурили. Ловким движением фокусника Мирослав откинул крышку импровизированного столика, достал из его чрева банку «Бочкарева», откупорил ее и протянул мне.

– Спасибо, не опохмеляюсь, – отказался я.

– Дело хозяйское, – рассудительно кивнул Мирослав и, отхлебнув из банки, философски продолжил – Верещагин мне говорил, что тобой интересовались «тяжелые»*. Но скажу тебе одно, даже если они завтра за тобой придут, без замены ты уйти отсюда не сможешь. А замена – это недели две, не меньше. Так что настройся на рутинную работу. Мне нужен специалист, а не иждивенец.

– Ну и какой же из меня толк, как из специалиста?

– Не перебивай. Будет толк. Все, что говорил начальник – выброси из головы. Работа твоя не пыльная, но очень важная. В твою задачу будет входить отслеживание перемещений банд-групп, их численность, концентрация, вооружение, ближайшая задача и характер действий. И самое главное – бандглавари. В любое время, даже если тебя поднять среди ночи, ты должен, как «Отче наш» знать: какие банды в данном районе находятся или где в данный конкретный момент находится такой-то бандглаварь, его личные данные, в общем – его досье и так далее. Это, конечно, сложно. Нужно быть неплохим аналитиком, чтобы из кучи информации выудить одну-единственную, достоверную, ценную и неповторимую, сопоставить факты и события, составить аналитический прогноз, обосновать его и подать наверх.

– Да, проще застрелиться.

– Ты знаешь, я начинаю верить, что у «спешэлов»* голова для того, чтобы в нее только жрать или бить кирпичи. Короче, вникай. Будут трудности – обязательно обращайся ко мне или к нашим парням.

– А где же я все это буду брать, чтобы сопоставлять, обосновывать?

– Из оперативной информации, мой дорогой. Твой начальник отдела, Андрей, сводит тебя к нужным людям, познакомит. Ну а во всем остальном ты сам должен искать нужную информацию. Учти, обстановка сложная, каждый день что-то случается: обстрелы, подрывы, налеты. В горах вообще беспредел творится. А тут еще Ингушетия, Дагестан. Короче, нам постоянно нужна свежайшая информация по бандам и бандглаварям. Идет лето. Дальше будет еще хуже. Сразу могу тебе сказать, что в ближайшем будущем мы активизируем свою работу и понадобится самая разнообразная информация, особенно твоя. Так что ваша смена никак не должна сказаться на твоей работе. Понял?

– Понял.

Я понял, что «на халяву» тут не прокатит. Придется работать по-настоящему. Что поделаешь, видать окопная романтика для меня закончилась. В нашем отделе, включая и меня, работало шесть старших офицеров: четыре майора и два подполковника. Каждый отвечал за свой фронт работ. Что характерно – на «моей стороне» сидели офицеры внутренних войск, на противоположной, спинами к нам – «армейцы». И ни какой дележки, препираний и обидных характеристик в сторону министерств я не слышал. Армейцы нас называли «вованами», от известной аббревиатуры – «ВВ». Обезличенное «федералы», часто употреблявшееся в СМИ, никто не упоминал – это считалось обидным. Офицеров ВДВ называли DVD, или: «висит груша, нельзя ее скушать». Я думаю, это нечто родственное с парашютистом. Офицеры КОП* – «одноглазый Пью». А ребят из космической разведки (правильнее – ВРК*) и вовсе звали космонавтами. Я только диву дивился, когда наш начальник отдела, Андрей, сказал мне:

– Сходи к космонавтам, выгони на плоттере эту таблицу.

Гудели системные блоки, парни изредка перекликались о характере поступающей информации, иногда долго смеялись над каким-нибудь предложением официального служебно-боевого документа, составленным каким-то замученным штабистом и я начинал понимать, откуда берутся армейские анекдоты и прочие перлы военной жизни, типа: «Жена трупца...». За окном все время слышался рокот вертолетных двигателей. Иногда модуль весь содрогался от пронесшихся мимо на взлете и заходивших на посадку целых звеньев Ми-8 и Ми-24. На аэродроме шла обычная боевая работа и я, иногда глядя в открытое окно на хищные вертолетные силуэты, ощерившиеся мощным вооружением, с тоской вспоминал свое недавнее прошлое: так же и мы взлетали своей группой на задания или возвращались с эвакуации... С высоты полета птиц я взирал на эти модули (тогда здесь стояли вагончики и палатки) и помыслить не мог, что через каких-нибудь пару лет буду сидеть здесь, за компьютером, буду обычной штабной крысой...

К ужину я уже неплохо разобрался в поступающем потоке оперативной информации и Ивану, забежавшему за мной, стоило немалых усилий оторвать меня от работы, чтобы сходить «заморить червяка».

Столовая по праву считалась «гвоздем» ОГВСа – не один миллион был «вбухан» в благоустройство этого «центропита». Наверное, примерно столько же, сколько стоит пара НАТОвских ультрасовременных минно-поисковых комплексов. Правда, на сколько мне было известно, пока эту цену до сих пор оплачивали наши саперы, каждый день, укладывая свои жизни на чеченских дорогах и горных тропах. Столовая внутри была отделана белыми стеновыми панелями, вестибюль был увешан великолепными зеркалами, шесть умывальников с электросушилками, просторная раздевалка (оставишь кепи – ноги прирастут!). Помимо общего зала для приема пищи, также имелся и отдельный зал, отделанный под кожу с гарнитуром из мягкой мебели, теле-, видео-, стереосистемами, холодильниками и прочей необходимой в боевых условиях «оргтехникой», а так же отдельной прихожей. Понятное дело – не для простых смертных, а для особ, приближенных к императору и прочим высоким гостям, коих нынче бывает немало. Стены везде были увешаны искусственными цветами, которые не отличишь от настоящих. А что? Удобно – поливать совсем не надо. Не завянут. Только знай, вовремя бойцу протереть лепестки от вездесущей пыли и вынуть «чинарики» из горшков. Линолеум на полу матово зеркально отбрасывал свет от метровых окон, а стулья и столы, похоже, были из офисного набора. В общем, я, вспоминая свое последнее посещение ОГВСовской столовой двухгодичной давности, был ошеломлен. На «большой земле» подавляющее число воинских частей и помыслить не могли о таких столовых невиданной роскоши и отделки. Это уж точно!

Увидев то, что лежало в моей тарелке и называлось ужином, я нисколько не разочаровался. По-моему, порция картофельного пюре с загнутым полумесяцем жареного минтая – прекрасная альтернатива банке свиной тушенки, залежавшейся в моем «бауле». Впрочем, были времена и похуже. Однако я видел, как многие офицеры брали с раздачи только чай и масло. Некоторые приносили с собой кетчуп и майонез, таким образом, делая свое блюдо намного питательней и вкусней.

– Вот гады! – ворчал Михаил, ковыряясь в своей порции – За такую еду я бы весь тыл к стенке поставил. Разве это можно есть?

– А что, картошка, как картошка, – возразил я – Вроде, без червячков.

– Вот именно! Пожрешь ЭТО пару месяцев, изо дня в день, тогда я посмотрю на тебя.

– В смысле?..

– А вот, «в смысле»! Другого ничего на ужин тут не дают. Я даже могу со сто процентной гарантией сказать, что завтра на завтрак давать будут: каша рисовая, масло и чай.

– Что ж, и на том спасибо.

Медведю, конечно, трудно было энергетически обеспечить свою массу тела, он постоянно голодал – порция, считавшаяся нормой (правда и для меня эта «норма» была мизерной) для него это было «на один зуб». Поэтому Мишка постоянно был занят мыслями о еде: какие-то поиски, махинации, бартеры... Я видел, как он, перед тем, как выйти из столовой, зашел к поварам и вышел оттуда с небольшим свертком под мышкой. Иван же, допив чай, собрал из тарелки все печенье и завернул его в салфетку.

– Это еще зачем? – удивился я – Чай «дома» пить?

– Да нет, Степа сладкое уж больно любит, – пояснил он – Вот мы его немного подкармливаем.

Мы вышли из столовой и уселись на лавочке возле ажурного фонтанчика с белым гипсовым амуром в центре. Я вспомнил, что у меня в сумке «завалилась» баночка клубничного джема, который я в тайне обожал и купил накануне своего отъезда. Естественно, я предложил подарить ее дяде Степе.

– Нет, – покачал Иван головой – Не возьмет.

– Почему?

– Не такой уж он и полоумный. Понимает, что его жалеют. Подарок не возьмет.

– Мне лучше подари – предложил Медведь.

– Не слушай, Алексей, этого старого попрошайку, – пытался урезонить Иван вечно голодного Медведя.

Солнце клонилось к закату, окрашивая перистые облака, собравшиеся над западной частью горизонта, алой бахромой. Стало тихо, даже птицы, казалось, петь перестали. Лишь слышно было металлический лязг гусениц и утробное урчание дизелей где-то за периметром охраны ОГВСа – это возвращались БМП из числа огневого прикрытия очередного центроподвоза и снятые с основных коммуникаций войсковые заслоны. Войну никто не отменял, несмотря на райскую идиллию, царившую вокруг. Я сидел лицом к горам. Дальних перевалов не было видно, однако, даже при виде ближних хребтов, по старой привычке, мне сделалось не хорошо. Где-то там прятались «духи», ожидая ночной темноты для проведения очередной дерзкой акции, о которой мы узнаем рано утром. Хотя, я прекрасно знал, что, ни сегодня, ни завтра, ни на следующей неделе там я не буду. Не раздастся рядом автоматная очередь, не просвистят пули над головой, не будешь выкладываться до седьмого пота, преодолевая очередной гребень. Потому, что я – офицер штаба ОГВС, штабная крыса, личного участия в спецоперациях отныне не принимаю. Противно даже, черт возьми! Я чувствовал, что это выбито у меня на лбу. Может, потому так не дружелюбно на меня посмотрели только что прошедшие мимо нас офицеры-спецназовцы, получившие очередную задачу на проведение РЗМ*.

...Утро следующего дня в разведывательной службе началось с обычного штабного «кипеша»: то ли кто-то из офицеров, «дежуривших на сводке»*, неправильные данные подал, то ли эти данные уже пришли искаженными и дежурный, не проверив, «забил» всю эту беду в донесение – короче, в нашем отделе «головой мылили» всем подряд. Дед был вне себя от ярости, даже свою любимую собаку забыл покормить, от чего зверел еще больше. Увидев меня с Иваном в коридоре, тоже не стал кривить душой и по привычке, точнее – по инерции, обругал и нас:

– О! Явились, не запылились! Работнички! Саватеев, вас всех уже пора в горы отправлять! Или к стенке ставить! Зажрались!

Полковник Саватеев, стоявший с обреченным видом, тут же, тихо, но довольно-таки ядовито, прошипел нам:

– Чего вылупились? Валите на свои рабочие места!..

Да, издержки работы мозга военной машины в действии. Верные древнему армейскому принципу «Ты – начальник, я – дурак», мы, молча, юркнули в свои душные норы-кабинеты. Мое рабочее место находилось прямо возле входной двери. Поскольку установилась невероятная жара, а кондиционера у нас не было, дверь в коридор была постоянно открытой, дабы хоть малый сквознячок проветривал душный кабинет и, главное, системные блоки наших машин. Кабинет деда располагался почти напротив нашего, чуть наискосок, поэтому я еще долго имел удовольствие слышать раздраженный голос нашего генерала, костерившего всех подряд тем исконно русским наречием, при упоминании которого, хоть всех святых выноси. Андрей, наш начальник отдела, тоже весь красный сидел у своего компьютера и, ни с кем не разговаривая, молча уставился в экран монитора. Ему тоже, вероятно, досталось. Он долго молчал, потом, наконец, проворчал:

– Ну, надо же! Испугали ежа голым задом! Кто-то там, в Москве, утренний кофе недопил!

А Дед все не унимался, из коридора все еще доносился его по-старчески скрипучий фальцет:

– Всех в окопы загоню! Всех отпетрушу!

– Отпетрушит он... – негромко, скорее для себя, комментировал Андрей – Смотри, как бы «петрушка» не отвалилась!

Неказистые штабные перипетии со всеми вытекающими издержками грозили обернуться виновникам в разного рода штрафные санкции, о которых через сутки уже никто и не вспомнит. Однако никто крайним быть не хотел. Поэтому утренний скандал имел перспективу

плавно перейти в полуденный. Одним словом, буча, которую заварил наш дед, по всему видимому, должна была утихнуть еще не скоро, и я постарался с головой уйти в свою работу – благо, ее всегда было вагон с тележкой. Но не прошло и двадцати минут, как к нам забежал Мирослав, дал мне листок с написанной там фамилией:

– А ну, пробей-ка мне этого махмуда!..

Потом заглянул начальник соседнего отдела, из нашей же конторы, ему надо было сверить со мной данные по бандглаварям такого-то района. Затем забежал дежурный по службе – убитые и задержанные боевики за такой-то период. Потом опять Мирослав:

– На, пробей списочек. Срочно!

Одним словом, я «строчил», как угорелый, забыв, что «работать на компьютере не умею». Прорва работы! Со всех сторон на меня надвигались предложения, просьбы, приказы. Мне казалось, что я один пашу, как проклятый. Парни в нашем кабинете шутили, переговаривались, смеялись, рассуждая над свежим анекдотом или ситуацией из жизни, произошедшей тут же. Толкали меня в плече: «Пойдем, покурим!»... Какой там! Хотя бы свою работу успеть сделать, хотя бы самое необходимое. Но никаких бездельников в нашем отделе не было. Просто, ребята, уже «съев собаку» на своих должностях, быстро и споро управлялись со своей текучкой. Да и операционная скорость работы на машине у меня – чего кривить душой – оставляла желать лучшего. Я был профан по сравнению с ними. Они половину жизни, всю свою службу проработали в штабах, разведцентрах и подобного рода отделах. Куда там мне за ними угнаться! Но меня раздражало совсем не это. Уже несколько раз меня вызывал Саватеев и, кивая на мои справки, мрачно и не очень то дружелюбно отчитывал за ошибки и недоработки разного рода.

– Это не доклад, а пародия. Вы хоть элементарное понятие о штабной культуре имеете? Немедленно переделать!

Я пыхтел, краснел, переделывал... Наконец, ближе к вечеру, «на ковре» у шефа, при очередном разносе, меня вдруг прорвало:

– Я тут что, мальчик для битья? Я – боевой офицер, ранение имею! И оказался здесь по воле случая. И то, что мне не хватает штабной культуры – так в окопах другой культуре учили!

На удивление, Саватеев почти никак не отреагировал на мой, мягко говоря, недопустимо дерзкий и враждебный тон. Только посмотрел на меня усталыми, красными от недосыпа глазами и спокойно, словно под диктовку, сказал:

– Все мы тут боевые, с ранениями и орденами. Не поймите меня превратно, обидеть вас никоим образом не хотел. У всех у нас выдался тяжелый и не совсем удачный день. Учитесь! А переделать вот этот документик, все-таки, придется. Не сомневайтесь. Так что идите, держайте, голубчик...

Выйдя в коридор, я услышал за закрывшейся дверью голос Саватеева:

– А из него, я думаю, будет толк.

– А куда он денется из подводной лодки? – буркнул в ответ Мирослав, как всегда, не отрываясь от своих бумаг.

Так, за напряженной работой, перепалками и склоками с начальством, незаметно прошла неделя. Саватееву определенно нравилась моя манера работы. И хотя я был человеком малоразговорчивым и немногословным, иногда мне приходилось «показывать зубы», за что мой шеф более пристально наблюдал за мной, но отнюдь не из вероломства, а скорее из профессионального любопытства. Иногда он говорил Мирославу:

– Определенно, этот юноша создан для аналитики. Подумать только, раньше человека годами готовили для работы в КРЦ*. А этот – три дня и уже почти готовый специалист! Можно подписывать отчетно-информационную документацию, не перепроверя выводы из оценки обстановки.

– Вам дай волю, вы весь РИАЦ* к себе в ГРУ заберете, – с непробиваемым лицом ворчал Мирослав, однако его тешила мысль, что он не ошибся во мне.

Саватеев меня иначе, как «голубчик», не называл, что являлось знаком особой признательности. Однако у него была странная манера «раскусывать» своих людей: сначала разозлит, выведет из себя, а потом и смотрит на всю подноготную, что скрыто у человека за семью печатями. Смотрит и оценивает: кто ты и что ты?

Обо всех этих особенностях подводных течений в разведслужбе мне как-то вечером поведал наш начальник отдела, Андрей. Мы сидели в темноте, с тыльной стороны нашего модуля и курили, пуская дым в звездное небо. Я поймал себя на мысли, что совсем забыл о существовании «волкодавов», которые, якобы, присматриваются ко мне, желая отобрать в свою «банду». Более того, я стал замечать, что мне начинало нравиться каждое утро, забрав у дежурного офицера флешку с «инфой» о происшедших событиях за истекшую ночь, быстро сортировать и укладывать информацию по характеру, направленности и степени важности для дальнейшей детальной работы. Начинать работу приходилось очень рано, иначе за информацией выстраивалась настоящая очередь довольно-таки нервничающих и неуравновешенных в терпеливом общении штабных людей. Но, несмотря на недосып, мне даже нравилось приходиться в модуль разведывательной службы так рано, практически до восхода солнца – в это время в отделах сидели только сонные дежурные, в кабинетах стояла непривычная тишина и веяло относительной утренней прохладцей. Всего этого не наблюдалось днем и главное – за отсутствием суеты, беготни и перегруженности событиями, быстро, почти молниеносно, решались внезапно возникающие текущие вопросы. Все это Саватеев определенно одобрял и он, мельком встречая меня, ни свет, ни заря в коридоре разведслужбы, искоса, но благосклонно наблюдал, как я беспощадно наседаю на дежурного офицера, поторапливая его побыстрее «добить» последнюю и самую свежую информацию для своей работы.

– Вчера, когда ты свалил на обед, к Саватееву приходил «волкодав», из «тяжелых»*, – проронил в темноте Андрей.

Я почувствовал, как нечто холодное и колючее шевельнулось у меня внизу живота.

– Он что, тебе представлялся? – попытался я перевести все это в шутку.

– Мирослав сказал, что тебя спрашивали.

– Что еще сказал Мирослав?

– Ничего. Саватеев попросил его удалиться.

Андрей, хоть и имел простоватый и слегка ухарский, я бы сказал – бесшабашный вид, но обладал он вполне аналитическим складом ума, поэтому вполне отдавал себе отчет в том, что это означало, когда «тяжелые» интересуются кем бы то ни было. Андрей в прошлом танкист, но на войну уже попал, как разведчик аналитического отдела. В его характере присутствовал и казарменный юмор, и «бронетанковая» упрямость. Как и каждый технар, он сначала хорошенько думал, прежде чем что-нибудь сделать.

– Мало ли, кто интересовался бы мной, – неуверенно проронил я.

Но Андрей рассудительным тоном размышлял, казалось, сам с собой:

– Из спецов у нас в центре вас двое. Интересуются тобой. Значит, тебя скоро заберут к себе «тяжелые».

– Возможно, – спокойно ответил я.

Андрей посмотрел на меня. Мне были отчетливо видны его темные глаза с паутинкой смешливых морщин вокруг них. Когда он смеялся или улыбался – был похож на ушлого бомбилу с Пересыпского моста. Но сейчас он не улыбался.

Утро следующего дня ознаменовалось очередным скандалом. Некий десантник по имени Толя в звании подполковник, из нашего отдела, перебрав «белой» в лагере горной группировки на чьем-то «дне Варенья», спасаясь от убийственной духоты, решил ночью окунуться в фонтане. И все бы ничего, если бы к нему не подошел патруль в составе прапорщика и двух сол-

дат-«контрабасов»* из местного милицейского батальона охраны. Глупо было что-либо возражать на сделанное замечание старшего патруля, тем более что купание в фонтане, не говоря уже о самом факте употребления спиртного, было строжайше запрещено командующим группировкой. Но Толя ничего лучше не придумал, как отметить весь патруль в полном составе, благо, габаритов он был внушительных и сила его удара равнялась силе таранного броска колхозного быка. И хоть патруль и разбежался кто куда, виновник происшествия был опознан начальником патруля на всеобщем утреннем построении. У прапорщика под глазом красовался внушительный «фингал», что пахло вполне реальным судом военного трибунала. Пару лет назад на этот инцидент в зоне боевых действий вряд ли бы стали обращать внимание. Но сейчас ситуация была несколько иной.

Едва я, вернувшись с построения, сел за работу, как в кабинет вбежал наш начальник отдела, Андрей, а за ним и Мирослав. Оба – сразу ко мне:

– Леха, походи к Толяну, переговоры с ним. Он там такое в модуле вытворяет! – торопливо затараторил, жарко дыша мне в лицо, Андрей.

– Я? А что я, Папа Римский? – опешил я.

– Он только тебя слушает!

– Иди, иди! – подталкивал меня Мирослав – Вы оба десантники, у вас есть общий язык. Не то, не равен час, натворит, не дай Бог, делов по глупости...

Я, чертыхаясь про себя, быстрой походкой направился к нашему модулю. За мной едва поспевали Андрей и Мирослав. Еще на пороге, по привычке зайдя с «черного» хода, мы услышали глухой грохот, топот чьих-то ног и мощный рев Анатолия. А в коридоре нас едва не сбили с ног разбежавшиеся «сбитые летчики». В это время из-за двери комнаты, где проживал Толян, выскочили два автоматчика из «минюста»* с округлившимися от ужаса глазами и за ними милицейский капитан – тоже далеко не воинственного вида. Затем из-за двери показался и сам Толян в тельнике-майке с табуреткой в руках. Как и было положено, этот капитан, выполняя приказ командующего, явился с конвоем арестовать Анатолия, дабы препроводить его в камеру бывшей гауптвахты. Капитан остановился где-то за нами у выхода и выкрикнул из-за наших спин:

– Я буду стрелять за неподчинение!

– А-а?! – словно недобитый мамонт взревел Толян и метнул табуретку.

Мы вовремя пригнулись, пригнулся и капитан – табуретка с леденящим холодком просвистела над нами, капитаном и вылетела через дверной проем на улицу.

– Кишка тонка, понял ты, крыса?! – громогласно завопил Анатолий.

– Подполковник Андрияшин, успокойтесь! – насколько мог властным тоном приказал Мирослав.

– Уйдите, уйдите от греха подальше! – уже спокойнее, положила руку на сердце, попросил Толян.

Но я уже успел заметить, что в поведении Анатолия все же произошел какой-то надлом. Я повернулся к Андрею и Мирославу:

– Идите на улицу и заберите с собой этих клоунов, – я кивнул на незадачливый конвой.

Потом подошел к Анатолию и, бесцеремонно втолкнув его обратно в комнату, закрыл за собой дверь.

– Ну и как, по-твоему, это называется? – печально спросил я.

– Я их всех передую, всех до одного, кровососы!

– Кого?! – повысив голос, спросил я.

– Всех!

– Ты с кем воюешь, брат?

Толян сел на койку и закрыл лицо руками. И вдруг разрыдался.

– Я не могу больше... Я устал!.. Я очень устал! Я не могу больше...

Я сел рядом с ним и приобнял за широкие плечи.

– Не мудрено. Железо плавится, а люди работают.

– Работают? – Толян поднял на меня свои злые темные с влажной поволокой глаза – Вот ответь мне, брат – это что за работа за такая: половину сводки с численностью «бойков» порезать в корзину и подать в Москву на белом блюдечке райскую идиллию, а не боевую сводку? А?

– Не лезь в это. Это не наше дело. Наше дело – приказы выполнять.

– Приказы выполнять? Не это ли гавно называется политика?

– Политика – не наше дело.

– Да? Хорошая у тебя позиция. Цинковые мальчики по ночам не мучают?

Я прекрасно понимал Толяна. И ночное купание в фонтане, выпивка с сослуживцами и драка с конвоем тут совсем не причем. У него просто случился нервный срыв. А все предшествующее этому послужило нелепым и внезапным катализатором, что являлось уже, как следствие цепной реакции. Все мы здесь бомбы замедленного действия. Только у кого и когда сработает этот невидимый часовой механизм? Что послужит тем незримым толчком, который приведет в действие этот внутренний детонатор? Самый мирный и тихий человек вдруг становится буйным и неуправляемым, смертельно опасным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.